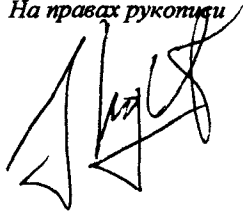

99

На правах рукописи

ИДРИСОВ
Эльдар Шамигуллович

**Потестарно-политический процесс
в традиционалистской этноспецифической среде
(на примере народов Нижнего Поволжья)**

Специальность:

**23.00.02. - Политические институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии
(по политическим наукам)**

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата политических наук

Волгоград–2005

Работа выполнена на кафедре истории и теории политики
ГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор Гражданов Юрий Дмитриевич

Официальные оппоненты:

доктор политических наук, профессор Мухаметшина Наталья Семёновна,
кандидат исторических наук, доцент Рвачёва Ольга Владимировна

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»

Защита состоится «27» декабря 2005 года в 16 часов на заседании
диссертационного совета Д.502.002.01. в Волгоградской академии
государственной службы по адресу: 400131, г. Волгоград, ул. Гагарина,
8, ауд. 204.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Волгоградской
академии государственной службы.

Автореферат разослан «27» ноября 2005 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

Олейникова Е.Г.

2007-4

2358044

2422

1

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В сложных властно-политических отношениях современной России определённое место занял этнический фактор, что является характерным для многонационального государства в транзитный период. Некоторым обоснованием его проявления в политике стала апелляция к социальным пережиткам прошлого.

Диссертационная работа посвящена рассмотрению современных этнополитических процессов, связанных с традиционализмом в Нижневолжском регионе в среде этносов, имеющих кочевое прошлое. Нижнее Поволжье является показательным в этом отношении, поскольку после присоединения к Московскому государству в середине XVI века оно становится первым и главным центром взаимоотношений Российского государства с кочевыми народами, которые впоследствии составили значительную часть местного населения.

Одними из ранних таких кочевых социумов стали ногайцы, представленные несколькими группами: юртовцы, карагаши, кундровцы и утары. Другой большой общностью кочевников, рано занявших свою нишу в Нижнем Поволжье, были калмыки. С конца XVII века до 1771 года здесь существовало Калмыцкое ханство с особым правовым статусом.

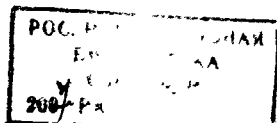
Более мелкой группой кочевого населения были туркмены, которые пришли в Нижнее Поволжье в конце XVIII века с Мангышлакского полуострова. А в 1801 году в состав Астраханской губернии вошла так называемая Букеевская Орда казахов Малого жуза.

В течение этого периода кочевые социумы Нижнего Поволжья влияли на политический процесс в данном регионе, вступали во взаимоотношения между собой и другими народами, а также находились на стыке столкновения интересов сильных государств.

В аспекте управления этими народами российскими властям приходилось учитывать особенности их социальной организации, приспосабливать свои управленческие механизмы к ним. Однако, в силу конфликтности кочевых обществ, генеральной линией политики в отношении данных народов было постепенное их обоседление и сокращение ареала пользования земельными ресурсами.

В советский период во время коллективизации по отношению ко всем кочевникам проводилась политика седентификации, т.е. административного обоседления на землю. Кочевые социумы, также как и все народы нового социалистического государства, были втянуты в интенсивные процессы национально-государственного строительства. В Нижневолжском регионе такое оформление получили только калмыки.

В то же время советская национальная политика создала в условиях тоталитарного режима новые противоречия, которые отчасти проявляются на современном этапе развития общества, после распада СССР. Некоторые

этнополитические проблемы возникли в связи с политикой интеграции малых народов в более крупные общности. Так, все группы астраханских ногайцев в переписях населения, начиная с 1939 года, фиксировались как «татары». До начала 60-х годов по отношению к ним проводилась политика «татаризации», что отразилось на их самосознании. Возникла так называемая «татаро-ногайская» проблема, проявляющаяся в двоичной (ситуативной) идентичности нижеволжских групп ногайцев.

Отрицательное последствие имела политика депортации калмыков в 1944 году, негативно проявившаяся политически в постсоветский период. Вызванное этим территориальное переустройство составило одну из этнополитических проблем современности в Нижневолжском регионе.

Показательным для бывших кочевников является сохранение в их современной социальной культуре специфических пережитков в виде прежнего родоплеменного деления. Стойкие формы родовых компонентов в среде бывших кочевников Нижнего Поволжья фиксируются у казахов, менее явно у ногайцев и туркмен. Данная система взаимоотношений получила политическую актуализацию в Калмыкии в связи с внутриэтническим («улусным») противостоянием за распределение властных ресурсов.

С точки зрения научного анализа интересны попытки возрождения у бывших кочевников традиционных представительных институтов власти, например, советов старейшин при сельских муниципальных органах управления или национально-культурных обществах.

Значительную роль в разрушение традиционалистских основ социальной культуры бывших кочевников вносит изменение положения Нижневолжского региона, который всегда отличался неравномерным развитием. В контексте геополитических процессов постсоветского времени в конце XX века он получил новый виток становления, связанный с разработками в области газодобывающей промышленности и открытием транспортного коридора «Север-Юг». Все эти изменения вызвали перестройку демографической структуры населения, затронули социокультурную сферу и вызвали аккультурацию, что ставит необходимость изучения направленности этих процессов.

Другим фактором, оказывающим влияние на внутреннее положение Нижневолжского региона, является увеличение в нём мигрантского населения, в частности, из проблемных в социально-экономическом отношении территорий, где уровень традиционализма и этнической конфликтности намного выше.

Таким образом, органам государственной власти в Нижнем Поволжье приходится сталкиваться с насущными этнополитическими проблемами, основанными на определённых интенциях сознания этнических общностей к прошлому образу жизни, что настоятельно требует научной экспертизы и прогнозирования.

Степень научной разработанности проблемы. В теоретическом плане первостепенное значение для данной работы имеет рассмотрение проблемы становления властно-регулятивных отношений.

Зарождение исследований генезиса власти восходит к работам Л.Г. Моргана, Ф. Энгельса¹. Позднее возникла специальная дисциплина – политическая антропология, на формирование которой большое влияние оказали работы эволюционистов Э.Б. Тайлора, Д.Д. Фрэзера², а классическими исследованиями в этом направлении являются работы Э.Э. Эванса-Причарда и Б. Малиновского³.

Наибольшее признание у западных политантропологов получили определения власти М. Вебера⁴. Значительное влияние на исследование проблем власти оказала французская «Школа Анналов», особенно работы М. Блока⁵. Интересны идеи представителя социологической школы Л. Леви-Брюля⁶ о коллективном сознании в первобытную эпоху, а также вытекающие из этой теории, но противоположные ей взгляды представителя структурализма К. Леви-Стросса⁷.

Особое место в политантропологической науке занимают работы Ж. Балансье, особенно книга «Политическая антропология», раскрывающая многие закономерности генезиса и функционирования традиционной власти, а также исследование Д.П. Мердока, в котором прослеживаются основные закономерности эволюции социальных структур человеческого общества⁸.

Большое влияние на современные исследования в области политической антропологии оказывает методология неозволюционизма, представители которого, такие как Э. Сервиз, Т. Ерл, Р. Кайнеро, М. Фрид, внесли большой вклад в разработку типологии политического лидерства, понятия престижной экономики, проблемы эволюции вождества⁹. Положения неозволюционизма повлияли на взгляды Ш. Эйзенштадта при рассмотрении им проблем модернизации традиционных обществ¹⁰.

В отечественной дореволюционной науке изучением власти в первобытном обществе занимались Н.Н. Харузин, Н.И. Зибер, М.М. Ковалевский и др.¹¹ После Октябрьской революции 1917 года была поставлена практическая задача переустройства жизни национальных окраин. Иссле-

¹ Морган Л.Г. Древнее общество или исследование человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. М., 1935; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1980

² Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989; Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. М., 1983

³ Эванс-Причард Э.Э. Нуэры. М., 1985; Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998

⁴ Вебер М. Образ общества. М., 1994

⁵ Блок М. Короли-худотворцы: Очерки представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998

⁶ Леви-Брюль М. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999

⁷ Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994

⁸ Балансье Ж. Политическая антропология. М., 2001; Мердок Д.П. Социальная структура. М., 2003

⁹ Обзор точек зрения в работе Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2001 С.29-33

¹⁰ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. М., 1999

¹¹ Харузин Н.Н. Этнография: Собственность и первобытное государство. Вып. III. СПб., 1903; Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. Одесса, 1923.

дования на тему первобытной власти в этот период проводили М.О. Косвен, П.И. Кушнер и др.¹

Изучение теории властных отношений в советской науке проходило на фоне дискуссии об азиатском способе производства. Проблемами классообразования занимался А.М. Хазанов². Особое значение имеет введение в отечественную науку Л.С. Васильевым неэволюционистской теории «вождеств» и «раннего государства»³.

В работе Л.Е. Куббеля окончательное обоснование получил введенный ранее для характеристики неполитической власти (Ю.П. Аверкиев, Ю.В. Бромлей) термин «потестарность» (от лат. *potestas* – власть как потенция, возможность её реализации). Уровень функционирования этого типа власти был определен Л.Е. Куббелем как общинный⁴. Исследования в этом направлении продолжили В.В. Бочаров, В.А. Попов и др.⁵

Проблема взаимоотношения власти и авторитета рассмотрены в работах Н.М. Кейзерова, Б.Ф. Поршнева и др.⁶

В настоящее время отечественная политическая антропология занимается как историческими проблемами власти, так и проблемами трансформации посттрадиционной власти⁷. Для темы диссертации особое значение имеют работы, выявляющие традиционное влияние на современность прежних властно-регулятивных отношений у народов с кочевым прошлым⁸.

Прямое отношение к проблеме функционирования традиционной власти имеют исследования по обычному праву. Впервые они стали проводиться в начале XIX века. Известным юристом и социологом М.М. Ковалевским было создано новое для российской науки XIX века направление – сравнительное правоведение⁹. Многие исследователи в тот период видели в

¹ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963; Кушнер П.И. Горная Киргизия (Социологическая разведка). М., 1929.

² Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979.

³ Васильев Л.С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников-собирателей к протогосударству-чиждому) // Народы Азии и Африки. 1980 №1. Он же Протогосударство-чиждом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981 №6.

⁴ Куббель Л.Е. Потестарная и политическая этнография. М., 1988.

⁵ Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление (попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки). М., 1992; Потестарность: генезис и эволюция / Под ред. В.А. Попова. СПб., 1997.

⁶ Кейзеров Н.М. Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. М., 1973; Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.

⁷ Артёмова Ю.А. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987; Афанасьев Н.М. Клиентизм историко-социологический очерк // Полис. 1996 №6, 1997 №7; Коротаев А.В. Факторы социальной эволюции. М., 1997; Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2001; Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны) М., 2001.

⁸ Масанов Н.Э. Историческая типология государственных структур и проблема их преемственности (на примере государственно-потестарных структур казахского общества // Этнические аспекты власти. СПб., 1995; Ботиков Ю.М. Институт насилия в политической культуре туркмен: история и современность // Антропология насилия. СПб., 2001; Рахимов Р.Р. Концепция лидерства в культуре таджиков: традиция и современность // Этнические аспекты власти. СПб., 1995.

⁹ Ковалевский М.М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдалённом прошлом (опыт в области сравнительной этнографии) // Вестник и Библиотека Самообразования за февраль 1905 года.

обычном праве источник реконструкции общественного строя различных народов с древнейших времен до вхождения их в состав России.

В советской науке под обычным правом понималась, прежде всего, совокупность так называемых юридических обычаев, догосударственных норм, которые были санкционированы государством и составили древнейший слой права. Важным теоретическим посылом стало введение А.И. Першицем понятия «мононормы» как основы формирования права и морали¹. В направлении исследования генезиса обычного права работали также Д.Ж. Валеев, Ю.И. Семёнов, О.Ю. Артёмова².

Для изучения этой проблемы наиболее продуктивным стал социологический подход, где право – это широкое явление, не ограниченное юридической сферой³. Представляется важным учесть принятое разграничение понятия «правовая норма» и «фактическое поведение людей»⁴. В 80-е – 90-е годы появились исследования по теории и методологии изучения обычного права⁵.

Роль обычного права у кочевников в разные периоды времени и на разных уровнях функционирования рассмотрены как специалистами этнографами, так и историками⁶.

В 1990-е годы для характеристики правовой ситуации, при которой сосуществуют две и более правовые системы в одном и том же социальном поле, стало активно применяться понятие «правового плюрализма»⁷. Появляются специальные работы по юридической антропологии⁸.

Большое значение для нашего исследования имеет анализ эволюции точек зрения и подходов к изучению функционирования социальной организации и власти в кочевой среде. В работах русских дореволюционных авто-

¹ Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979

² Валеев Д.Ж. Обычное право и его генезис // Правоведение. 1974. №6. Семёнов Ю.И. Основные понятия обычного права: возникновение и развитие // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000, Артёмова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987

³ Алексеев С.С. Теория права. Харьков, 1994, Явич Л.С. Сущность права. Л., 1985

⁴ Кудрявцев В.Н. Юридические нормы и фактическое поведение // Советское государство и право. 1980. №2

⁵ Венгеров А.Б., Куббель Л.Е., Першиц А.И. Этнография и науки о государстве и праве // Вестник АН СССР. 1983. №10

⁶ Кычанов Е.И. Некоторые замечания о праве кочевых государств // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004, Пономоренко Е.А. Маслабный суд и судебный процесс у ногайцев в XVIII-XIX вв. // Вестник МГУ. Сер. 12. Право. 1976. №3, Он же. Общественный строй ногайцев в XV-сердине XVII вв. // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1977. №4; Викторин В.М. Потестарно-политические и правовые отношения (Взаимосвязь внутренних и внешних факторов) // Философские проблемы государства и права. Саратов, 1988, Он же. Обычное право в истории кочевой жизни ногайцев // Обычное право в России: Проблемы теории, истории и практики. Р/н Д., 1999, Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингис-хана Алматы, 2001, Никитин А.А. Алат, суд биев и институты российской государственности в обществе казахов, киргизов и туркмен XIX века // Степной закон. М., 2000

⁷ Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860-1990-е годы). М., 1999; Бобровников В.О. Му-сульманы Северного Кавказа: обычаи, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002, Брусина О.И. Социально-правовые системы новых среднеазиатских государств в контексте теории правового плюрализма // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000.

⁸ Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002, Норбер Рулан. Юридическая антропология. М., 2000

ров, например, у Н.А. Аристов¹, общественный строй кочевников назывался обычно «родовым». Эта гипотеза, получившая в литературе название «родовой теории», была распространена и в советский период 20-х годов².

В 1930-е годы по идеологическим причинам критика «родовой теории» велась с позиций классового подхода. Так, С.П. Толстов, а затем Л.П. Лашук, полагали, что у кочевников издавна сложились развитые феодальные отношения³. П.И. Кушнер рассматривал общественные отношения кочевников как раннефеодальные⁴. В этом поиске сформировалась теория особого, «кочевого феодализма» Б.Я. Владимирцева⁵. Позже её поддерживал Г.А. Федоров-Давыдов⁶. А одним из первых критиков этого подхода выступил А.Ю. Якубовский⁷.

В начале 50-х годов появилась более мягкая концепция «патриархально-феодального» строя кочевников, получившая своё развитие в работах Л.П. Потапова. Он полагал, что феодализм при кочевом образе жизни связан с саунными отношениями и правом предводителей распределять пастбища, которые, по его мнению, были у них основным средством производства у кочевников⁸.

В рамках этой же теории, но с иной точки зрения выступили В.Ф. Шахматов и С.Е. Толыбеков, полагавшие, что основным средством и продуктом производства у кочевников выступал скот, с помощью которого и происходила эксплуатация бедных богатыми⁹. В конце 50 – начале 60-х годов к ранней истории кочевников стала применяться концепция «военной демократии». В рамках данной концепции предполагался раннеклассовый характер древних номадов и государственный уровень их развития в период средневековья¹⁰.

В начале 60-х годов стали появляться внестадийные интерпретации социальной истории номадов, без непременно́й отсылки к «феодализму». Так, Л.Н. Гумилёву удалось создать панораму кочевнического мира средневековья, не вписывающуюся в формационные рамки¹¹. Он же дал

¹ Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Вып. 3-4. 1896

² Соколовский В.Г. Современный казахский аул. Ташкент, 1926

³ Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Проблемы истории докапиталистических обществ. Вып. 103. Л., 1934; Лашук Л.П. О характере классовобразования в обществе ранних кочевников // Вопросы истории. 1967. №7

⁴ Кушнер П.И. Горная Киргизия. М., 1929

⁵ Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов. М. - Л., 1934.

⁶ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973

⁷ Якубовский А.Ю. Из истории изучения монголов периода XI-XII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953

⁸ Потапов Л.П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // Вопросы истории. 1954. №6

⁹ Шахматов В.Ф. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений Казахстана // Вестник АН КазССР. 1951. №7; Толыбеков С.Е. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов // Вопросы истории. 1955. №1

¹⁰ Плетнёва С.А. Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. М., 1982

¹¹ Гумилёв Л.Н. История народа хунну. В 2-х книгах. М., 1998

определение способа передачи власти на принципе старшинства как удельно-лествичную систему¹.

Другим важным вкладом в этом направлении является точка зрения Г.Е. Маркова о номадизме как об альтернативном способе общественного развития. Важным в его концепции является введение различия между состояниями общества кочевников в зависимости от мирного и военного времени, которые оказывают влияние на степень концентрации власти предводителей².

В дальнейшей дискуссии о социальном строе кочевников стала применяться концепция раннего государства как высшей точки их развития. Наиболее яркой работой в этом направлении является исследование А.М. Хазанова о скифском обществе³. Им же был внесён значительный вклад в дальнейшее формирование альтернативного взгляда на историю кочевников⁴.

Исследованиями в рамках концепции раннего государства у кочевников занимались А.И. Першиц, С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов⁵. Признат внутренние предпосылки политогенеза в обществе номадов и складывание, таким образом, государственности Е.И. Кычанов⁶.

Заслуживают серьёзного внимания характеристика кочевого образа жизни народов мира в работе Б.В. Андрианова и исследование Э.С. Кульпина об этноэкологии кочевых образований⁷.

Современная отечественная историография, сложившаяся под влиянием западной политической антропологии, базируется на альтернативном взгляде на социальную историю кочевых обществ. Закрепились такие термины и определения для характеристики социально-политической организации кочевников как *вождество, экзополитарный способ эксплуатации, потестарность, ксенократия, конический клан, редистрибутивная*.

Большой вклад в дефинирование этих определений внесли Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова, В.В. Трепавлов, представитель казахстанской исторической науки Н.Э. Масанов и др.⁸

¹ Гумилёв Л.Н. Удельно-лествичная система у тюрков в VI-VIII веках // Советская этнография. 1959. №3

² Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976

³ Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975

⁴ Он же Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002

⁵ Першиц А.И. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы // Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994, Он же Кочевники в мировой истории // Восток. 1998. №2, Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000

⁶ Кычанов Е.И. Кочевые государства от гунов до маньчжуров. М., 1997

⁷ Андрианов Б.В. Неосёдлое население мира. М., 1985; Кульпин Э.С. Золотая Орда (проблема генезиса Российского государства). М., 1998

⁸ Крадин Н.Н. Кочевое общество (проблема формационной характеристики). Владивосток, 1992, Он же Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // Вопросы истории. 2001. №4, Он же Империя хунну. М., 2002, Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997, Она же Монгольское общество периода империи // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000, Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII века. М., 1993; Он же Ногайская альтернатива. От государства к вождеству и обратно // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995, Он же Бий мангытов, коронованный chief Вождества в истории позднесредневековых номадов Западной Европы // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000, Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). Алматы, 1995

Нужно упомянуть также о подходах западной науки к социальной истории кочевых обществ. Историография нomaдизма за рубежом развивалась без формационного понимания социально-экономических процессов. Большинство исследований ограничивалось, как пишет А.И. Першиц, констатацией отсутствия социальной поляризации общества в кочевой среде¹.

В концептуальном плане большое значение имеет тезис, выдвинутый А. Тойнби, о том, что кочевые общества выступают как недифференцированные организмы, целиком противостоящие осёдло-земледельческим обществам².

Из специализированных работ по этой проблеме можно отметить исследования подход Е. Бэкона и Л. Крадера, согласно которым социально-экономическая поляризация кочевого общества требовала государственного регулирования лишь в случае организации системы внешней эксплуатации³. Интересны также статьи Т. Барфилда и Дж. Флетчера⁴.

Анализ властно-регулятивных отношений не может быть произведён в отрыве от закономерностей хозяйственно-экономического функционирования и влияния их на складывание политической организации, а также процессов организации этнических общностей.

В этнологической отечественной науке советского периода большим влиянием пользовалась стадияльная концепция этноса, основным разработчиком которой является Ю.В. Бромлей⁵.

Другой подход к теории этноса – ареальный – представлен в работах М.Г. Левина, Н.Н. Чебоксарова, И.А. Чебоксаровой⁶. Альтернативной была концепция этноса Л.Н. Гумилёва, где этнос предстает как «биосоциальный организм»⁷.

В постсоветский период в отечественной этнологии получила распространение конструктивистская концепция, акцентирующая внимание на зависимости проявления этничности от политического и социального контекста и представленная, например, в работах В.А. Тишкова⁸. Среди зарубежных исследователей конструктивистского направления нужно вы-

¹ Першиц А.И. Некоторые особенности классовобразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. М., 1976

² Тойнби А.Д. Постыжение истории. М., 1991

³ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы, М., 1995. С.216

⁴ Барфилд Т. Монгольская модель кочевой империи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. Флетчер Дж. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004

⁵ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.

⁶ Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. К постановке вопроса // Советская этнография. 1955. №4; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Расы, народы, культуры. М., 1971

⁷ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1993

⁸ Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001; Он же. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003

делить Э. Геллнера, так как исследование им проблемы национализма либо поддерживаются, либо отрицаются отечественными учеными¹.

Как представляется, важно также учесть подходы к исследованию проблем глобализационных процессов современности (Э. Хантингтон) и к проблеме демократии в сложносоставных обществах (А. Лейпхарт)². Значение для данной диссертационной работы имеет анализ исследований проблем современной модернизации в России³.

Большое распространение в постсоветский период получили работы по исследованию этнополитических процессов, этноконфликтологии, управлению межэтнической сферой, этноэлитологии и проблемам национализма⁴.

Конкретное рассмотрение Нижневолжского региона с позиции номинадологии и этнополитологии представлено также рядом работ. Тем не менее, очевидно, ещё предстоит много сделать в этом направлении.

В дореволюционный период, а также в первые годы Советской власти, историей и этнографией кочевых народов занимались различные исследователи. В их работах на фоне обширного этнографического материала затрагиваются вопросы социальной организации и властных институтов кочевников⁵.

В современной историографии исторического изучения кочевников Нижнего Поволжья и сопредельных территорий представляют особый интерес исследования по нескольким крупным направлениям, в частности: взаимоотношение Московского государства с независимыми кочевническими образованиями⁶; вхождение кочевников в состав Рос-

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991

² Хантингтон Э. Столкновение цивилизаций. М., 2003; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М., 1997

³ Ахиезер А.С. Социально-культурные проблемы развития России. Философский аспект. М., 1992; Панин Э.А. Этнополитический матрикс. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004; Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / Отв. ред. В.Г. Федотова. М., 2002

⁴ Здравомыслов А.Г. Межэтнические конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998; Проблемы управления в сфере межнациональных отношений (предпосылки и формы разрешения межнациональных конфликтов) // Под ред. проф. С.И. Замогильного. Саратов, 1998; Дробязжева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996; Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность. М., 2003; Мухаметшина Н.С. Трансформация национализма и «символическая элита»: российский опыт. Самара, 2003 и др.

⁵ Небольсин П.И. Очерки Волжского Низовья. СПб., 1852; Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996; Евреинов А. Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда // Современник. Т. XXIX. Отд. II. СПб., 1851; Бятурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV века до настоящего времени. Элиста, 1991; Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII века. В 5-ти частях. Астрахань, 1926-1932; Пятницкий В. Карагаши (по материалам поездок в 1927 году) // Землеведение. Географ. журнал им. Д.А. Анучина. Т. 32. Вып. 3-4. Л., 1930; Трофимов В. Татары-карагаши // Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения им. М.Горького. Т. VI. Саратов, 1933

⁶ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. - Л., 1948; Трепавлов В.В. Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российскую государственность // Восток. 1994. №2; Он же. История Ногайской Орды. М., 2001; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI века. М., 2001

сии¹; национальная политика и проблемы управления кочевыми народами российскими властями²; политика обоседления кочевников в советский период³.

Анализ современных этнополитических процессов предпринимается в работах исследователей различного профиля. В данной работе привлекаются исследования о ногайцах на территории их проживания⁴.

Следует отметить существующие различия в подходах некоторых авторов. Так, согласно работам Л.Ш. Арсланова и В.М. Викторина, сформированные на Нижнем Поволжье тюркские группы, связанные происхождением со средневековым ногайским этносом, причисляются к астраханским ногайцам.⁵ А в исследованиях Д.М. Исхакова и др. они отнесены к так называемым «астраханским татарам».⁶ Существуют и другие интерпретации указанной проблемы.

В связи с характеристикой современного положения калмыцкого этноса нами привлечены работы разных исследователей. В них дается характеристика этнополитической ситуации в республике Калмыкия, некоторых этносоциальных процессов, а также дан анализ этнотерриториального спора между Республикой Калмыкия и Астраханской областью⁷.

¹ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы: Историко-этнографический очерк Черкесск, 1988; Кидириников Д.С. Взаимоотношение ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. Махачкала, 2003; Кичиков М.Л. Образование калмыцкого ханства. Элиста, 1994; Колесник В.И. Последние кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII-XVIII веках. М., 2003; Кочеев А.Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII века. Алма-Ата, 1988; Курбанов А.В. Ставропольские туркмены (история формирования и особенности культуры). СПб., 1991; Толдыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII-начале XX века. Алма-Ата, 1971.

² Быков А.Ю. Россия и Казахстан (XVII-XIX вв.) // Тюркологический сборник. Россия и Тюркский мир. М., 2003; Викторин В.М. Российское государство и кочевые народы // История России. Россия и Восток. СПб., 2002; Каптеллер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2002; Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления в России (XVII-XIX вв.) М., 2002; Национальная политика: история и современность. М., 1997.

³ Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахская трагедия // Вопросы истории. 1989 №7, Ермеков Ж.А. Российские казахи в составе РСФСР и СССР. 1917 – 1991. Омск, 1999.

⁴ Аставапурова М.А., Савельев В.Ю. Диаспоры Ставропольского края в современных этнополитических процессах. Р/н Д., Пятигорск, 2000; Калиновская К.П., Марков Г.Е. Ногайцы – проблема национальных отношений и культура // Советская этнография. 1990 №2, Они же Ногайцы. Этнокультурные проблемы и межнациональные отношения // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1991. 1991 №4, Ногайцы в контексте этнополитических взаимоотношений на Северном Кавказе: социальный статус и проблемы воспроизводства культуры и самобытности. Р/н Д., 1999; Червоная С.М. Тюркский мир в центре Северного Кавказа: парадоксы этнической мобилизации. М., 1999; Ярлыкапов А.А. Ногайская степь: этнос и религия сегодня // Этнографическое обозрение. 1998 №3.

⁵ Арсланов Л.Ш., Викторин В.М. Кто такие астраханские ногайцы // Политическая агитация. 1988 №20, Викторин В.М. Астраханские ногайцы // Ногайцы сегодня (исследования по общей и неотложной этнологии. Документ №44. М. [ИЗД. РАН] 1993.

⁶ Исхаков Д.М. Астраханские татары: этнический состав, расселение, динамика, численности в XVIII-начале XX века. // Астраханские татары. Казань, 1991.

⁷ Бакаева Э.П. Об особенностях современной религиозной ситуации в Калмыкии (буддизм и посвящения) // Этнографическое обозрение. 2004 №3; Викторин В.М. Калмыцкий этнический ареал в Нижнем Поволжье и проблемы реализации Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов» // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М., 1994; Гузенкова Т.С. Межэтническая ситуация в Калмыкии. М., 1992; Гучинов Э.-Б.М., Таванец С.Д. Калмыкия в 90-е годы: контуры политического развития // Калмыкия: этнополитическая панорама. Т.1. М., 1995; Жуковская Н.Л. Калмыкия и калмыки в постперестроечное время // Этнографическое обозрение. 1993 №2.

Для этнополитической характеристики казахов Нижневолжского региона и соседних территорий Казахстана были привлечены исследования различных авторов¹. Интересной представляется точка зрения О.Б. Наумовой, согласно которой казахи в составе России образуют особую «этносоциальную общность»².

Ценным для характеристики национально-культурного движения астраханских казахов является книга, выпущенная обществом казахской культуры Астраханской области «Жолдастык» к 10-летию юбилею. Нельзя не отметить, однако, что некоторые исторические положения этого издания вызвали серьёзную критику со стороны специалистов по истории³.

Некоторые данные о современном положении астраханских туркмен представлены в работе А.В. Курбанова⁴.

Источниковая база исследования. Для написания данной работы использовались как исторические, так и современные источники, среди которых – сборники опубликованных материалов по взаимоотношению Российского государства с национальными окраинами⁵, описания путешественников, учёных и государственных деятелей⁶, архивные данные. В частности, в аспекте управления кочевыми народами берутся во внимание фонды Государственного архива Астраханской области: Ф.1. Канцелярия гражданского губернатора, Ф.2. Канцелярия астраханского военного губернатора, Ф.476. Кавказское наместническое правление.

Для характеристики современных этнополитических процессов использовались материалы фондов Государственного архива современной документации Астраханской области: Ф.325. Астраханский областной комитет партии и Ф.1319. Ленинский районный комитет партии.

¹ Голунов С.В. Религиозный фактор и восприятие пограничной безопасности в Волгоградской области // Материалы краеведческих конференций, посвященных 75-летию областного общества краеведов. Вопросы краеведения. Вып. 6. Волгоград, 2000; Дмитриев А.В., Карабущенко П.Л., Усманов Р.Х. Геополитика Каспийского региона (взгляд из России) Астрахань, 2004

² Наумова О.Б. Казахская диаспора в России: этническое самосознание и миграционное поведение // Этнографическое обозрение 2000 №3

³ Астраханские казахи: история и современность. Астрахань, 2000; Викторин В.М. Так кто же у нас главный? Этноистория и «кореннизм» (книга «Астраханские казахи» и отклики в общей и татарской прессе) // Астраханские известия. Областная еженедельная газета. 2002. 14-20 ноября №46 (617)

⁴ Курбанов А.В. Ставропольские туркмены (история формирования и особенности культуры) СПб, 1991

⁵ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. (сборник документов и материалов) Сост. Ф.Н. Киреев и др. Алма-Ата, 1961; Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1607-1636 гг. Сб. док. М., 1974; Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1636-1654 гг. М., 1974, Под стягом России. Сборник документов М., 1992,

⁶ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев Элиста, 1995; Герберштейн С. Записки о Московских делах СПб., 1980; Кидирниязов Д.С. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV-XVIII вв. Махачкала, 1999; Меховский М. Трактат о двух Сарматиях М.-Л., 1936; Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен М., 2000; Суворов А.В. Походы и сражения в письмах и записках М., 1990; Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717 – 1750 М., 1990 и др.

В работе используются статистические данные по национальному составу, изданные в специальных сборниках и отчётах органов исполнительной власти¹, а также отражённые на сайте www.perepis2002.ru.

Достаточно информативными являются публикации в газетных изданиях за 1980-е – 2000-е годы, посвящённые этнополитическим проблемам Нижневолжского региона².

В исследовании используются также материалы съездов национально-культурных организаций³.

Законодательными источниками работы являются правовые акты по истории национальной политики и управлению кочевыми народами, собранные в специальных сборниках⁴. В работе проводится анализ законодательных актов в области национальной политики современной России⁵.

Дополнительными источниками исследования являются материалы опросов деятелей национально-культурных объединений.

Методологическая база исследования заключается в сочетании цивилизационного и эволюционно-исторического подходов, принципа связи хозяйственно-экономического развития с особенностями построения социальной структуры и сознательной деятельности людей в таких специфических человеческих обществах, какими были кочевники. К полезному исследовательскому инструментарию следует отнести метод компаративного анализа, системного и междисциплинарного исследования.

Целью исследования является выявление на основе историко-политологического анализа степени и роли влияния прежних традиций постарших властеотношений и сопряжённого с ними обычно-правового способа регулирования общественной жизни в современных условиях у народов Нижнего Поволжья с кочевым прошлым.

Для достижения цели выполняются следующие задачи:

- 1) рассмотреть проблему генезиса и эволюции властно-регулятивных отношений у евразийских кочевников в их сравнительной характеристике;
- 2) проанализировать этнополитическое развитие и особенности сентентаризации кочевых сообществ Нижнего Поволжья в составе Российского государства XV-XIX веков;

¹ Астраханская область: справочник по административно-территориальному устройству Волгоград, 1984, Население Волгоградской области Волгоград, 2003 и др

² Газеты «Астраханские известия», «Волга», «Волгоградская правда», «Звезда Поволжья», «Независимая газета» и др

³ Дагестан: этнополитический портрет (Очерки. Документы. Хроника) Т 3 М, 1995, Калмыкия: этнополитическая панорама. (Очерки. Документы. Материалы) Т 1 М, 1995, Материалы III съезда Всемирного конгресса татар (28-29 августа 2002 года) Казань, 2003, Специальный выпуск общенационального журнала «Половецкая луна» 1991. №2

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т 1, Т 26, Т 38; СПб., 1832, Декреты советской власти Т 1 М, 1957, Российское законодательство М, 1997

⁵ Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993, Закон о реабилитации прав репрессированных народов 1991, Концепция национальной политики 1996, Закон о национально-культурной автономии 1996 (с доп. и измен. на 2004)

- 3) предпринять обзор национальной политики Советского государства в отношении народов Нижнего Поволжья;
- 4) охарактеризовать особенности современных этнических процессов и влияние на них потестарно-политических отношений прошлого на постсоветском пространстве;
- 5) проанализировать влияние традиций потестарно-политических отношений и их осознание населением на этнополитические процессы в Нижневолжском регионе.

Объектом исследования являются кочевые социумы Нижнего Поволжья в процессе их развития, современное положение народов, имеющих кочевое прошлое.

Предмет исследования – анализ трансформации властно-регулятивных отношений в среде кочевых народов Нижнего Поволжья, рассмотрение влияния их потестарных традиций на современный политический процесс в Нижневолжском регионе.

Научная новизна заключается в том, что в настоящем диссертационном исследовании:

- 1) на основании архивных источников и других исторических документов освещена недостаточно изученная тема в историографии – проблема управления кочевыми народами Нижнего Поволжья российскими властями;
- 2) впервые в выделенной форме рассмотрены современные этнополитические процессы в среде народов Нижневолжского региона: казахов, калмыков, ногайцев и туркмен, анализируются закономерности складывания их этнополитических культур в связи с трансформацией социально-регулятивной системы прежнего кочевого образа жизни в аспекте соотношения традиций и инноваций в них;
- 3) на примере ногайцев предпринят анализ новых внутренних отношений в связи с современными информационно-коммуникативными процессами в дисперсных обществах;
- 4) активно приводятся собственные полевые этносоциологические данные, характеризующие особенности современной этнической идентичности народов Нижнего Поволжья.

Относительно новым возможно оценить сочетание историко-культурных и политико-правовых подходов в исследовании процессов сентентаризации кочевых обществ в степных просторах Юга России и в Нижнем Поволжье, активно осваиваемых индустриально на современном этапе.

Положения выносимые на защиту:

- 1) существует соответствие обычно-правовых и политических институтов у кочевых сообществ, а в процессе оседания кочевников в связи со сменой социально-экономических условий и внешней административно-политической системы происходит модификация этих институтов;

- 2) в связи с трансформацией образа жизни кочевых народов произошла и эволюция в сфере их социально-политических представлений под влиянием соседних земледельческих народов;
- 3) в условиях современной этнической мобилизации роль традиционных властных институтов сохраняется в явной и скрытой (латентной) формах;
- 4) между закономерностями функционирования властно-регулятивных отношений прошлого и складыванием современной этнополитической культуры народов, имеющих кочевое прошлое, прослеживается тесная связь;
- 5) в современности наряду с наличием архаических пластов в массовом сознании народов, имеющих кочевое прошлое, имеет место и политическое конструирование с опорой на традиционализм в интересах властных субъектов.

Практическая значимость исследования. На основании данного исследования разработан спецкурс по политической антропологии с опорой на историко-политологический материал властно-правовых отношений кочевых социумов Нижнего Поволжья – для преподавания его студентам специальности 06.10.00 – «Государственное и муниципальное управление» в высших учебных заведениях. Составлены прогностические рекомендации органам региональной власти по управлению этнополитическими процессами в Нижневолжском регионе, в частности, в связи с возможной адаптацией потестарных традиций.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в научных публикациях автора в форме статей, а также отражены в тезисах докладов автора на региональных, межрегиональных и международных конференциях.

Диссертация обсуждалась на кафедре истории и теории политики ГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы».

Структура диссертации соответствует целям и задачам исследования и включает в себя введение, три главы, заключение, список источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность, научная новизна, практическая значимость диссертации, сформулированы цели и задачи, объект и предмет исследования, определены его территориальные и хронологические рамки, дана историография проблемы, представлена характеристика источниковой базы.

В первой главе «Проблемы организации и функционирования властно-правовых отношений у кочевников» исследуются закономерности складывания и эволюции властно-регулятивных отношений у евразийских кочевников.

В первом параграфе «Власть у кочевников» рассматриваются особенности организации властных отношений в кочевых обществах. Возникновение власти у кочевников, как показывает исторический материал, было внутренне необходимым процессом. Этой деятельностью занимались выборные и наследственные вожди и предводители. В их задачи входило посредством координации перекочёвок рациональное распределение природных необходимых для скотоводства ресурсов, организация охраны стад и кочевий, разрешение внутренних конфликтов. Основой высоких социальных позиций в кочевом обществе и отношений власти являлась война, которая разрешала и нарастающие внутренние противоречия. В военнокочевых условиях вожди как военные предводители приобретали значительную власть над соплеменниками и укрепляли их единство.

Другим важным катализатором социально-политического развития кочевых обществ был контроль над трансконтинентальными торговыми маршрутами. Всё это способствовало социальной дифференциации кочевников, однако эти процессы не имели последовательного прогрессивного развития, а сдерживались внутренними закономерностями кочевого хозяйства.

В таких условиях одним из способов легитимации власти служила генеалогия, которая была инструментом регулирования социальных связей, а представление об общности происхождения служило идеологическим обоснованием общественной интеграции. Распространённой для кочевого общества формой, маркирующей отношения власти, были термины кровного родства, что свидетельствовало о патерналистском характере общественной организации кочевников, а также о невызревших у них до конца политических институтах.

Сила и централизация власти у кочевников, в основном, отставала от уровня социальной дифференциации их общества. Конкретная ситуация определяла, какая политическая группировка получит преобладание. Отсюда и удельно-лестничный (по терминологии Л.Н. Гумилёва) принцип распределения власти.

Механизмом, соединявшим кочевые объединения вокруг правителей, были институты престижной экономики. Определённую роль в институализации власти правителей кочевого общества играло выполнение ими функций священных посредников между социумом и потусторонними силами для обеспечения благоденствия. Ещё одним немаловажным фактором усиления власти кочевого правителя являлся их международный статус, особенно признанный со стороны осёдлоземледельческого государства. В этом плане правитель кочевников являлся посредником, который перераспределял «подарки» и дань, полученную от них, а также военную добычу в случае удачных набегов.

В силу отсутствия стабильного аппарата принуждения у правителей кочевых объединений характер их власти был консенсуальным. Наиболее

действенным способом влияния общества на власть предрешающего, кроме свержения неугодного правителя, была отколёвка.

Во *втором параграфе* «Обычное право у кочевников» рассматривается роль обычно-правового способа регулирования у кочевников. Функционирование обычного права соответствует потестарному уровню развития общественной системы. Говоря о кочевниках, в силу специфики их образа жизни и неразвитости разделения производственного процесса, обычное право оставалось основным регулятором общественных отношений. Уже в ранних кочевнических обществах существовали отработанные механизмы обычно-правового регулирования конфликтов, связанных с посягательством на личность, честь и собственность. Но в условиях рассредоточенности кочевников на широких степных пространствах и замедленного складывания политической организации приходилось в основном рассчитывать на собственные силы и солидарность близких.

Авторитетность норм обычного права вытекала из святости древнего предания, из уважения к предкам. Нормы обычного права действовали не сами по себе, но лишь в случае заинтересованности в этом действии сильной родственно-корпоративной группы, стоящей за истцом или ответчиком. Это определяло вариативность подлинного обычного права, складывающегося в ходе притязаний сторон. Нормы обычного права почти всегда ориентированы на достижение примирения и компромисса между группами. Таким образом, традиционное правосудие добивается восстановления общественного равновесия, нарушенного каким-либо потрясением. Так, главным регулирующим правилом конфликтов в обычном праве был известный принцип «талиона», предполагавший равное возмещение причинённого ущерба. Особым обычно-правовой институтом, связанным со скотоводческим хозяйством, являлась так называемая «баранта» – демонстративный захват стада (реже – другого имущества) для принуждения обидчиков выполнить положенное.

Обычное право кочевников было органично включено и вписано в систему их общественных отношений, оно закрепляло их правовую психологию – составную часть его миропонимания, отношения ко всему окружающему.

Важным аспектом функционирования обычного права являются правовые представления о пользовании и владении собственностью. Непременной основой организации экономической жизни кочевников было право частной собственности на скот при неразвитых отношениях собственности на землю. Эволюция обычного права кочевников происходила под влиянием осёдлоземледельческих государств. Так, при вхождении кочевников в состав таких государств или при постоянных контактах с ними наблюдается письменная фиксация обычного права, развитие понятия собственности, в частности, на землю, конкуренция обычному праву со стороны других регулятивных систем, например, шариата для тюркоязычных кочевников.

В *третьем параграфе* «Кочевники в мировом политическом процессе» рассматриваются закономерности исторической судьбы номадизма и его влияние на всемирные политические процессы прошлого. Возникновение кочевничества относят к рубежу II-I тысячелетий до н.э. В условиях аридной зоны это было единственно возможным способом освоения ойкумены. В жёстких экологических условиях пастбищной экосистемы были выработаны специфические способы адаптации к природным условиям, которые на протяжении столетий подверглись лишь некоторым изменениям.

Скотоводческая специализация кочевников и связанная с нею большая или меньшая хозяйственная односторонность нередко вели к повышенной политической активности, направленной вовне собственного общества, что выступает дополнительным фактором обеспечения стабильности скотоводческого общества. Обратной стороной её является необходимость и неизбежность активной адаптации номадизма к внешнему миру.

Поскольку «диктатура пространства» является необходимым условием скотоводческого хозяйства, политическая интеграция и дезинтеграция у кочевников была обусловлена особенностями экологии аридных зон. Поэтому стойкое объединение кочевников возникает только для осуществления военной экспансии. Степень централизации власти у кочевников была прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации. Наиболее крупные объединения кочевников стали возникать только с середины I тысячелетия до н.э., когда появились могущественные земледельческие империи. Таким образом, взаимоотношение кочевых политий с окружающими их осёдлыми государствами и народами являлись решающими факторами их политогенеза.

Наиболее агрессивны были кочевники в эпоху средневековья, когда расширился ареал их расселения и возрос военно-политический потенциал. С начала Нового времени обозначился общий кризис номадизма, его вытеснение на периферию всемирно-исторического процесса, падения влияния в военно-политической сфере.

Во второй главе «Этнополитическое развитие кочевых народов в составе России» даётся характеристика процессов вхождения кочевых народов в состав Российского государства и управления ими на территории Нижнего Поволжья, а также политики по отношению к ним в ранний советский период.

В *первом параграфе* «Вхождение кочевых народов в состав России» даётся обзор включения кочевых народов в состав Российского государства и основных форм взаимоотношения с ними. Постоянным фактором исторического процесса в России были взаимоотношения с кочевыми народами. Внешняя опасность со стороны кочевников в разные периоды истории способствовала ускоренному развитию некоторых важных социально-политических процессов Российского государства. В ходе общения с кочевниками сложились определённые формы не только военного, но и мир-

ного существования. Одним из способов сдерживания внешней агрессии номадов была система «поминок» в форме различных ценных подарков.

В договорных отношениях с кочевниками проявилось столкновение разных стереотипов восприятия политической сферы. Одной из первых форм таких взаимоотношений были устные шерты как персональный договор представителей центральных и местных властей с лидерами кочевых образований. Обе стороны зачастую нарушали шерстные договоры, поскольку они (шерты) не имели под собой прочных правовых, политических и экономических оснований.

Механизмом подкрепления выдвинутых условий стала выдача заложников-аманатов. Одним из общих моментов для обеих сторон было почитание династии Чингизидов, что проявилось в инкорпорации её некоторых представителей в высший класс Российского государства.

Принципом взаимоотношения с кочевыми народами на этапе включения их в состав России стала также политика поддержания раздробленности в их среде.

Первым центром взаимоотношения России с кочевыми народами в лице Астраханского воеводства стало Нижнее Поволжье. Отсюда, или через эту территорию, с середины XVI века последовательно проходил процесс включения ногайцев, калмыков, туркмен и казахов в состав Российского государства. В качестве повинности для кочевых народов была введена воинская обязанность.

Во внутренней политике России по отношению к тюркомусульманским кочевникам в силу их конфессионально-языковой отличности от основной массы населения Юга России зачастую использовались военные формирования калмыков. Важно отметить, что в ходе вхождения калмыков в состав Российского государства стал оформляться их особый статус в форме складывания калмыцкого ханства.

В процессе укрепления государственной власти и становления самодержавного строя в России первоначально равные отношения с кочевыми народами подверглись изменениям.

Во *втором параграфе* «Политика Российской империи по отношению к кочевым народам и процесс управления ими в Нижнем Поволжье в XVIII-XIX веках» раскрывается направленность изменения социально-политической организации кочевников под воздействием политики Российского государства и новых социально-экономических процессов.

В силу исторических обстоятельств кочевые народы заняли периферийную нишу в имперском образовании России. Их интеграция в неё проходила проблематично. Одной из причин этому был сам образ жизни, который они вели, и стойкая приверженность к традиционализму. С XVIII века Россия вступила на путь модернизации. Именно с этого периода усиливается культурная дистанция между земледельческими народами и кочевниками. Постепенно в правительственных кругах стал складываться

политический курс на трансформацию общества кочевников, всё чаще стала применяться практика обоседления.

Важным элементом политической системы имперской России была православная церковь. Политикой христианизации больше всего были затронуты калмыки.

Во второй половине XVIII века происходит новое перераспределение между кочевниками Нижнего Поволжья. Всю ситуацию на юге России изменил побег большинства калмыков в 1771 году обратно в Джунгарию. Возник вопрос о поселении в Астраханской губернии освободившихся от них ногайцев-карагашей.

Присоединение в 1801 году к Астраханской губернии так называемой Букеевской орды казахов можно расценивать как первую попытку распространения на казахов общеимперской юрисдикции.

Одним из насущных вопросов для представителей астраханских властей того периода стало пастбищное урегулирование. В 1806 году было издано Положение для урегулирования земельного вопроса кочевников. Возникли конфликты, связанные с нежеланием менять устоявшиеся пути кочевания¹. Архивные документы отражают и конфликты с соседними осёдлыми народами, поводом для которых была необходимость обеспечения скотоводческого хозяйства². Положительным моментом в отношении управления кочевниками было то, что региональные власти стремились предупреждать заведомо конфликтные ситуации³.

В системе государственного управления России долгое время сохранялись локальные особенности. Конкуренцию государственным установлениям составляло обычное право. Большое значение играли и религиозные нормы. С сосредоточением кочевников в составе России на них стало распространяться действие законов Российской империи, правительство последовательно проводило замену «косвенного» (через свою знать) «прямым» (через чиновников) управлением.

Оказавшись в новой системе имперских отношений, традиционная социальная структура кочевников с неизбежностью стала проявлять новые качества в связи с выработкой новых норм, приспособленных к быстроизменяющимся социально-экономическим отношениям и в связи с политической государством. К середине XIX века повсюду проходила отмена ханской власти. В течение XIX века ликвидировались все формы коллективной или индивидуальной зависимости. Система ценностей, сложившаяся в кочевых социумах стала претерпевать существенные изменения. Реакцией на начавшиеся модернизационные процессы стала попытка реархаизации. Традиционная потестарная организация прекратила функционирование на высшем таксономическом уровне и трансформировалась на низшем. Опре-

¹ Государственный архив Астраханской области Ф 1 Оп 3 Т 2 Д 450 Л 9,10

² Государственный архив Астраханской области Ф 1 Оп 1 Д 538 Л 1

³ Государственный архив Астраханской области Ф Оп.8 Д 101 Л 18

деление социального статуса стало зависеть уже не столько от происхождения и авторитета, сколько от экономического благосостояния и хозяйственной принадлежности. Следствием этих процессов стал кризис идентичности.

Процессы трансформации кочевых обществ были объективны, неизбежны и в целом прогрессивны, но их характер, темпы и формы во многом определялись политикой России. В случае с кочевыми народами вновь возникшие отношения не являлись прямым повторением европейских или российских аналогов, а приводили к возникновению конгломерата традиционных и модернизационных отношений.

В *третьем параграфе* «Политика советской власти по отношению к кочевым народам» даётся характеристика этнонациональных процессов в начале XX века и национальной политики Советского государства в первый период своего существования.

Начало XX века в истории Российской империи связано с активизацией национального движения на окраинах. В судьбах народов происходят изменения, которые затрагивают этническое самосознание. Модернизация привела к включению в этот процесс различных этнических групп, в том числе и кочевников. Проявлением этого в тюрко-мусульманской среде стало широкое распространение идей джадидизма – реформаторства мусульманского образования. Некоторые противоречия в отношении с кочевниками породила Столыпинская реформа, в результате чего произошли антиправительственные выступления и откочёвка в Китай казахов.

События 1917 года резко изменили ритм жизни многих народов. Одним из актуальных вопросов, поставленных на повестку дня, был национальный, связанный с попыткой пересмотра существующих отношений в условиях кризиса государственной системы. Советская национальная политика исходила из принципа права наций на самоопределение, но с самого начала была противоречивой и непоследовательной.

Среди народов Нижнего Поволжья национальное административно-территориальное оформление получили только калмыки. Выделение Казахстана как субъекта РСФСР породило пересмотр территориального устройства в Нижнем Поволжье.

Кочевые народы, как и многие другие, оказались в круговороте большевистского эксперимента. Смена политической власти повлекла за собой определённые изменения в хозяйственно-культурном их типе. Политика коллективизации и искусственного обоседления стала настоящей катастрофой. В ряде случаев реакция неприятия административного террора, проводимого властью, вылилась со стороны кочевников в акты открытой откочёвки и вооружённого сопротивления.

Среди населения Астраханского края кочевой и полукочевой образ жизни вели казахи, калмыки, ногайцы-карагаши. Процесс их перевода на полностью осёдлый образ жизни проходил до 1929 года. Основным направ-

лением хозяйственной деятельности создаваемых колхозов этих народов в природно-географических условиях Нижнего Поволжья стало рыболовство.

С середины 20-х годов XX века проводилась политика жёсткого ограничения роли адата в советской судебной системе. Обычное право было окончательно выделено из государственной сферы и превратилось в неафишируемую часть традиционной культуры бывших кочевников.

В третьей главе «Потестарно-политические закономерности в этнополитических процессах современности» даётся характеристика современных этнических процессов и влияния потестарных традиций на этнополитические отношения в России и странах СНГ.

В первом параграфе «Современные этнические процессы: глобальные и российские реалии» раскрываются особенности этнических процессов современности. Общемировой тенденцией общественных отношений во второй половине XX века стало возрастание роли этнического фактора, что расценивается как охранительная реакция на тотальную модернизацию. В СССР этот процесс на фоне социально-экономического кризиса привёл к распаду государства.

В новых условиях краха политического строя такие социальные субъекты, как этносы, сделали заявку на новое место в государственной системе, что характерно для любого полиэтничного государства в транзитный период. Этническая идентичность стала выходить на первый план в общественном сознании, при этом в ряде случаев наблюдалось её инновационное оформление. На поверхность вышли процессы, которые долгое время находились в латентном состоянии. Особый вес в общественном сознании приобрела историческая память, направленная на поиск прошлых противоречий, особенно порождённых государственной политикой в отношении того или иного этнического общества с проекцией их на современность.

Явлениями общественной жизни также стали этноизоляционизм и внешнее выражение этнокультурной дистанции. В этнотерриториальных образованиях особое значение приобрела принадлежность к титульному этносу. На этом фоне происходила этнократизация власти в форме «коренизации управления» и декларация во взаимоотношениях с центром политического сепаратизма.

На этнополитическую направленность общественных отношений центральным властям приходилось реагировать, подыскивая правовой инструментарий, правда, не все принятые законы и постановления способствовали стабилизации. Как показали события периода борьбы за власть начала и середины 90-х годов, этнический фактор использовался властями в свою пользу и на федеральном уровне.

Одним из условий устойчивости современных общественно-политических отношений в России является формирование гражданской идентичности. Основание общегражданского самосознания должно жи-

даться как на общей стабильности социально-политического организма России, так и на создании общеразделяемых символов и ценностей.

Во *втором параграфе* «Потестарные отношения в этнополитических процессах современности» даётся обзор влияния прошлых традиций властвования на политический процесс постсоветского пространства.

В ходе кризиса Советского государства и на фоне этнического возрождения широкий отклик в общественном сознании нашла идея ретрадиционализации. Социокультурная составляющая этих процессов была заложена изначально в разностадийном развитии народов, собранных в рамках единой советской системы. Процессы модернизации в течение XX века не смогли окончательно нивелировать эти различия, а последующее ускоренное реформирование привело к откату к архаическому наследию. Однако при сегодняшних условиях «этатизации этничности» подчас не последнюю роль играет и политический фактор, особенно, в его региональном проявлении. Любые особенности и отличительные характеристики, позволяющие претендовать на повышение социального статуса, закрепились в практике политических субъектов.

В духе архаизирующей тенденции, появившейся в 90-е годы, в общественной практике пытались реанимировать традиционные институты власти. Особенно показательны в этом страны СНГ Среднеазиатского региона и Северокавказские субъекты РФ. Во многих случаях это было связано с необходимостью этнодифференциации и укрепления властного статуса.

Правовые коллизии возникли по праву земельной собственности, где столкнулись интересы государства и коллективные права этноса на ту или иную территорию. Наличие большого пласта архаического сознания, как показала практика последних десятилетий, создала питательную почву для авторитарных режимов, тем более что последние в условиях клановой борьбы за власть стали единственным инструментом сохранения стабильности. Одно из важных мест в совокупности подобных отношений занимают патрон-клиентные отношения, которые основываются на необходимости кооперации между лицами разного статуса в условиях общей нестабильности.

Прямое внедрение в посттрадиционные общества западных либерально-демократических институтов демонстрирует несовпадение первоначальных целей и окончательного результата. Отмечено, что в таких коллективах партийные структуры нередко формируются на родоплеменной или конфессиональной основе или как институт персонального влияния того или иного лидера. В этом отношении можно сказать, что в период господства тоталитарного режима СССР с его коллективной идеологией грошная родоплеменная организация получила новые импульсы в своём развитии и стала важнейшим атрибутом государственной системы.

Таким образом, процесс модернизации не реализуется автоматически и очень часто цели прямого воздействия искажаются цивилизационными особенностями трансформируемого общества.

В *третьем параграфе* «Нижнее Поволжье в этнополитических процессах современности» даётся характеристика этнополитических процессов на территории Нижнего Поволжья в среде народов, имеющих кочевое прошлое.

Нижнее Поволжье в контексте современных этнополитических процессов можно охарактеризовать как одно из мест их активного протекания. После распада СССР этот регион приобрёл приграничный статус и оказался в центре разнонаправленных миграций. Социокультурная составляющая этих изменений связана с увеличением представителей различных этносов, характеризующихся повышенной приверженностью к своим традициям и религии. Кроме этого, значительные пласты традиционализма содержатся в социокультурной практике народов, имеющих кочевое прошлое. Рассмотрим особенности положения каждого из них.

Специфическая форма организации современного национально-культурного движения ногайцев связана с дисперсным расселением этого народа, что является прямым наследием прошлого кочевого образа жизни. Общим лозунгом стала политическая борьба за сохранение этноса путём объединения ареалов проживания. Определённым фактором мобилизации ногайцев является мироощущение былой исторической общности в рамках Ногайской Орды, идеализация прошлой кочевой жизни и родоплеменного устройства. В течение XX века ногайцы также подпали под противоречия советской национальной политики. Астраханские ногайцы и бабаюртовские ногайцы Дагестана были причислены к татарам и кумыкам, а наибольшее возмущение вызвал Указ 1957 года о разделении единой территории проживания ногайцев на Северном Кавказе между Дагестаном, Ставропольским краем и Чечено-Ингушетией.

Современное положение ногайцев связано с этнополитической жизнью каждого региона, где они проживают. Представители ногайцев по всему ареалу проживания озабочены территориальной раздробленностью своего народа, затруднённости социального и культурного воспроизводства, невыгодными политико-правовыми и административными обстоятельствами, что замедляет темпы развития их социума.

Особенностью положения ногайцев в Астраханской области является разнонаправленность этнокультурных процессов в их среде. За советский период возникла этнокультурная «ассоциация» местных ногайцев с татарами. Оформление национально-культурного движения астраханских ногайцев проходило под идеями реабилитации их национального самосознания, возрождения языка и культуры. Особый резонанс вызвали экологические лозунги в связи с необходимостью переселения из санитарно-защитной зоны Астраханского газоперерабатывающего завода. Не последнюю роль играло апеллирование к традиционализму как фактору сохранения этнической общности.

Единственным этнотерриториальным образованием Нижнего Поволжья является Республика Калмыкия. В современной политической

культуре калмыцкого народа также отчётливо проявляются компоненты, связанные с прошлыми потестарными традициями. Одним из проявлений этого стала персонификация власти в массовом сознании периода выборов президента Республики в 1993 году. Основным кандидат К.Н. Иломжинов в своей предвыборной стратегии смог умело сочетать образ современного политика, умеющего решать проблемы с традиционными представлениями о власти у основной массы калмыцкого населения.

В последующем пребывании на посту президента республики он использовал опору на традицию как один из способов укрепления своей личной власти. Авторитарной тенденции его управления отвечала традиционная ментальность калмыков, для которой характерна связь общего благополучия с личностью человека, находящегося у власти. Другим наследием традиционной политической культуры калмыков является «улусизм» — столкновение за власть между представителями трёх основных субэтнических групп (торгуты, дербеты и бузавы), связанных своим происхождением с прошлым племенным делением. Эта проблема имеет как объективные основания, связанные с различием социально-экономического уровня жизни районов преимущественного проживания той или иной группы, так и субъективное оформление, когда обращается внимание на субэтническую принадлежность политиков как один из вариантов критики их деятельности.

Одной из неразрешенных этнополитических проблем является территориальное притязание Калмыкии на часть территории Астраханской области, в прошлом принадлежавшей Калмыцкой АССР¹. Данный факт осложняет взаимоотношения этих территориальных субъектов, а также постоянно находит отражение в калмыцком национально-культурном движении.

Другой крупной группой бывших кочевников Нижнего Поволжья являются представители казахского народа. Наличие соседнего независимого государства Казахстан определяет многие этнополитические процессы в их среде. Среди мотивов миграционного поведения из России в Казахстан и обратно на первом месте стоят экономические факторы.

Важная составляющая социокультурной характеристики казахов является наличие стойкого представления о линиджевых тождествах. Несмотря на то, что российские казахи не ощущают жизненной необходимости в знании родоплеменной структуры, она всё-таки остаётся для них важным фактором сохранения казахской идентичности, особенно когда речь идёт о казахах, живущих в районах с компактным проживанием других тюркских народов.

В заключении подведены итоги исследования, сделаны выводы о возможностях и перспективах их политического и практического применения.

¹ Рабочие материалы к вопросу о территориальной реабилитации калмыцкого народа (Президиум и исполком Астраханской области, Комиссия по урегулированию межнациональных и территориальных вопросов в связи с принятием закона РСФСР «О реабилитации репрессированного калмыцкого народа») Состав Е.А.Покровский, В.М.Викторин, Ю.С.Смирнов Астрахань, 1991

Экспертный анализ, проведенный в работе, показал, что условиями проявления традиционализма в современных общественных отношениях сопряженных с политикой являются специфические особенности предшествующей социальной эволюции этнических общностей. Иллюстрацией таких отношений являются народы, имеющие кочевое прошлое, прежнее развитие которых в жестких условиях аридной зоны Евразии проходило альтернативным образом.

Диссертационное исследование также выявило, что некоторые противоречия возникшие в ходе истории взаимоотношения государства с входящими в него народами проявляются в современности, играя этномобилизирующую роль.

Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях автора:

1. Идрисов Э.Ш. К вопросу идентичности ногайцев-карагашей (прошлое и настоящее) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Развитие и взаимодействие национальных культур как фактор стабильности межкультурных отношений в полиэтническом регионе. Астрахань, 2000. С.91-93.
2. Идрисов Э.Ш. Миграционные процессы на территорию Астраханской области: правовые, социально-экономические и культурные аспекты // Научный вестник Астраханского филиала ВАГС. Вып. 1. Волгоград, 2003. С.50-56.
3. Идрисов Э.Ш. Этнопотестарные и политические аспекты социорегулятивной культуры ногайцев: история и современность // V Конгресс этнографов и антропологов России (Омск, 9-12 июня 2003 г.). Тезисы докладов. М., 2003. С.267.
4. Идрисов Э.Ш. Этнополитические процессы в среде ногайского этноса: потестарные закономерности и инновационные тенденции // Сб. научн. работ аспирантов и студентов ВАГС. Вып. 6. Волгоград, 2004. С.9-14.
5. Идрисов Э.Ш. К характеристике идентичности астраханских ногайцев // Тезисы научно-практической конференции «Проблемы межкультурной коммуникации: история и современность». Вып. 6. Р/н Д., 2004. С.132-136.
6. Идрисов Э.Ш. Субэтническое самосознание ногайской молодежи (юртовцы, карагаши, кундровцы, утары) // Специфика ментального самосознания и поведения молодежи Северного Кавказа (проблемы развития воспитания): Материалы Международной научной конференции (Астрахань, 24-26 мая 2004 г.). Астрахань, 2004. С.55-56.
7. Идрисов Э.Ш. Эволюция потестарно-политических отношений в среде кочевых сообществ Евразии (на примере Нижнего Поволжья) // XXXVII

Международный конгресс востоковедов (ICANAS). Тезисы докладов. М., 2004. С.521-522.

8. Идрисов Э.Ш. Национально-культурное движение астраханских ногайцев в конце XX-начале XXI века: проблемы и перспективы // Научный вестник Астраханского филиала ВАГС. Вып. 2. Волгоград, 2005. С.75-81.
9. Идрисов Э.Ш. К графе «ногайцы» в материалах переписи 2002 года (проблемы этностатистики Юга России) // VI Конгресс этнографов и антропологов России (Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.). Тезисы докладов. М., 2005. С.460.

Подписано в печать 22.11.2005.

Уч.-изд. л. 1,6. Усл. печ. л. 1,5.

Заказ № 813. Тираж 100 экз.

Оттиражировано в Издательском доме «Астраханский университет»

414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20

Тел. (8512) 54-01-89, 54-01-87, факс (8512) 25-17-18,

E-mail: asupress@vandex.ru

РНБ Русский фонд

2007-4

2422

29 DEC 2005